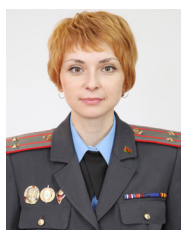

УДК 343.9

Антикоррупционная политика государства: философско-доктринальное осмысление и правовое регулирование понятийного аппарата

Татьяна Георгиевна Терещенко

Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь
(Минск, Республика Беларусь)
tati2034@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-8705-2046

Аннотация

Посредством применения различных методов исследования определяется сущностное содержание понятия «антикоррупционная политика государства», приводится ее скорректированное определение для последующего концептуального выстраивания управленческой деятельности государства на криминологических началах. **Введение.** В настоящее время коррупция и производные формы коррупционного поведения препятствуют адекватному развитию общества, его систем, воздействуя на все сферы деятельности. Тем самым нарушаются базовые условия криминологической безопасности личности, общества, государства. В связи с этим возрастает роль государства в противодействии системному (сетевому, институциональному) негативному социально опасному конклюдентному феномену коррупции, но уже на концептуальной криминологической основе. Это, в свою очередь, предполагает криминологическое осмысление исследуемого понятия «антикоррупционная политика государства». **Цель:** на основе обобщения данных, полученных из научных (доктринальных), исторических, нормативных источников, предложить авторское видение понятия «антикоррупционная политика государства». **Методология, методы и методики:** при проведении исследования использовались историко-правовой, сравнительно-правовой, теоретические методы формальной и диалектической логики, анализа и синтеза. Применялись также специальные методы: юрико-догматический метод и метод толкования правовых норм. **Результаты:** противодействие коррупционной преступности, включая его предикативные формы, является приоритетом для любого государства, и одним из направлений деятельности становится выстраивание на уровне государства концептуальной антикоррупционной модели, которая объединяет вокруг себя соответствующих субъектов, имеет объектную направленность и прикладные цели реализации. Сущностное содержание понятия «антикоррупционная политика государства» позволяет устранить терминологический диссонанс. **Научная новизна:** в результате исследования предложена авторская редакция понятия «антикоррупционная политика государства». **Практическая значимость** обусловлена возможным устранением терминологических противоречий в понимании соответствующей дефиниции. Криминологическая основа сформулированного понятия ложится в основу концептуальной модели противодействия коррупции.

Ключевые слова

антикоррупционная политика, государство, девиация, коррупция, преступность

Благодарности

Выражаю благодарность моему идейному вдохновителю – научному консультанту и талантливому ученому – доктору юридических наук, профессору, заслуженному юристу Республики Беларусь Хомичу Владимиру Михайловичу.

Для цитирования: Терещенко, Т. Г. (2026). Антикоррупционная политика государства: философско-доктринальное осмысление и правовое регулирование понятийного аппарата. *Российский девиантологический журнал*, 6 (2), 342–357.

Original paper

State's anti-corruption policy: a philosophical and doctrinal analysis and the legal regulation of the conceptual framework

Tatyana G. Tereshchenko

Academy of the MIA of the Republic of Belarus

(Minsk, Republic of Belarus)

tati2034@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-8705-2046

Abstract

Through the application of various research methods, the essential meaning of the concept of 'state anti-corruption policy' is identified, along with its revised definition, providing a basis for the subsequent conceptual structuring of the state's administrative activities on criminological principles. **Introduction.** At present, corruption and related forms of corrupt behaviour hinder the proper development of society and its systems, affecting all spheres of activity. Thus, the fundamental conditions for the criminological security of individuals, society and the state are being undermined. Consequently, the state's role in countering the systemic (networked, institutional) negative and socially dangerous phenomenon of corruption is growing, based on a conceptual criminological framework. The concept of 'state anti-corruption policy' under consideration requires a criminological analysis. **The research aims** to propose the author's interpretation of the concept of 'state anti-corruption policy', based on a synthesis of data drawn from academic (doctrinal), historical and normative sources. **Methodology, methods and techniques:** the research was conducted using historical-legal and comparative-legal methods, as well as theoretical methods of formal and dialectical logic, and analysis and synthesis. Specialised methods were also applied, including legal-dogmatic analysis and the method of interpreting legal norms. **Results:** Counteracting corruption-related crime, including its predicate forms, is a priority for any state. One of the key areas of activity involves developing, at the state level, a conceptual anti-corruption model that brings together the relevant actors, with a clear focus on specific targets and practical implementation purposes. The essential meaning of the concept of 'state anti-corruption policy' makes it possible to overcome the terminological inconsistency. **Scientific novelty:** as a result of the research, the author proposes an original formulation of the concept of 'state anti-corruption policy'. **The practical significance** lies in the potential to overcome terminological inconsistencies in the interpretation of the relevant definition. The criminological basis of the concept serves as the basis for a conceptual model for countering corruption.

Keywords

anti-corruption policy, the state, deviance, corruption, crime

Acknowledgements

The author appreciates the support of his intellectual advisor, scientific consultant and talented scholar, Vladimir Mikhailovich Khomich, Dr. Sci. (Jurid.), Professor and Honoured Lawyer of the Republic of Belarus.

For citation: Tereshchenko, T. G. (2026). State's anti-corruption policy: a philosophical and doctrinal analysis and the legal regulation of the conceptual framework. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 6 (2), 342–357.

Введение

На современном этапе развития общества коррупция выступает дезинтегративным фоновым явлением, нарушающим целостность и органичность общественных отношений, препятствующим реализации задач и функций правового государства. Неоспорим также международный феномен коррупции. Необходимость скоординированной политики противодействия (предупреждения) коррупции¹, способствующей участию общества и отражающей принципы правопорядка, надлежащего управления публичными делами и публичным имуществом, честности и неподкупности, прозрачности и ответственности, признана международным и национальным сообществом и правом. Именно такой постулат заложен в Конвенции ООН против коррупции², одном из ведущих международных документов по противодействию указанному негативному социальному и правовому явлению. Используя уровневый подход к изучению коррупции и выстраиванию соответствующей концептуальной модели для ее предупреждения (противодействия ей), представляется целесообразным обратиться к положениям философской и правовой доктрины, международных, региональных и национальных нормативных правовых актов, затрагивающих вопросы понимания антикоррупционной политики государства, ее содержательного аспекта в контексте криминологического осмысления преступности, ее тенденций и трансформаций для последующего конструирования соответствующей правовой дефиниции.

Обзор литературы

Стоит отметить, что вопросы антикоррупционной политики государства и авторское видение таковой политики рассматривались отечественными криминологами, российскими исследователями, зарубежными криминологами. Это и аспекты содержательного характера, и включение различных субъектов в данную деятельность, и проблемы реализации, и т. д. Бесспорно, основополагающие положения, предлагавшиеся учеными ранее, не утратили актуальности и сегодня. Вместе с тем существенная трансформация общественных отношений, видоизменение коррупции в современной матрице общества, направленность этой деятельности на государственном уровне обуславливают поиск новых закономерностей и решений. Далее мы приведем эти подходы с указанием авторства.

Методология, методы и материалы исследования

Отметим, что авторское видение понятия «антикоррупционная политика государства» базируется на определенной основе. Прежде всего, в философско-историческом аспекте концепции детерминизма считаем целесообразным осветить трансформацию антикоррупционной политики государства в различные исторические периоды, умышленно сместив акцент

¹ В научной литературе встречается и антикоррупционная политика государства (прим.авт.)

² Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (2003, 31 октября). <https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-58-4>

на учения белорусских философов. Это позволит глубже проникнуть в трансформацию общественных отношений, тем самым отобразить логико-эпистемологический и гносеологический концепты базовых (принципиальных) начал данной деятельности. В последующем нормативное включение с позиции сравнительно-правового анализа и доктринальное осмысление позиций ученых методом критического анализа позволили предложить скорректированную, обновленную авторскую дефиницию.

Результаты исследования

Обсуждение результатов исследования

Историко-философский контекст антикоррупционной политики белорусского государства. Проблема криминального поведения и его предупреждения остается актуальной во все времена. Обращаясь к философскому осмыслению противодействия коррупции, стоит отметить, что белорусские исследователи в разные исторические периоды в своих научных изысканиях изучали указанное направление. При этом часто борьба с преступностью (ее предупреждение) в целом и коррупцией в частности, как и понимание антикоррупционной политики государства, рассматривалась в контексте осмысления истинности морали и права, становления правового государства, общеправовых и специальных принципов его функционирования, роли правителя (князя, господаря, монарха), введения юридической ответственности и ее соразмерности за совершение противоправных действий, связанных с государственной службой, политической деятельностью в русле социальной философии, принятия управленческих решений – в ракурсе философской рефлексии.

В связи с этим представляет научный интерес освещение указанных аспектов в воззрениях философов-правоведов с момента оформления древнебелорусской государственности, появления и развития писаного права, носившего частично религиозный контекст, и активизации научных публикаций с учетом социально-экономических и политических преобразований в эпоху позднего Средневековья, влияния протестантизма, кальвинизма и арианства в свете реформаторского движения, контрреформации; просвещения; классического и постклассического воздействия и ассимиляции европейской западной и русской философии с осмыслением национального культурного самоопределения, самости. Это позволяет говорить о философском контексте антикоррупционной политики государства с позиции преемственности и развития в духе материалистического и идеологического диалектизма для последующего правового оформления.

Так, влияние византийской философии и культуры наряду с принятием христианства в период ранней белорусской государственности позволило сформировать уникальную иерархию духовных ценностей, основанных на любви к ближнему, милосердии, нестяжательстве, что предопределило содержание взглядов на власть и закон, политико-правовую культуру в целом. Воззрения Е. Полоцкой, К. Смолятича, К. Туровского, И. Экзарха, основанные на симбиозе римского права с христианской нравственностью, определили изначально божественную онтологию политико-властных отношений (Козел, 2018, с. 14–26). При этом взгляды Платона и Аристотеля в контексте аксиологического понимания коррупции были восприняты отечественными просветителями в разрезе христианского миропонимания в единстве гносеологических, антропоцентрических и этических представлений. В свою очередь, это позволило сформировать антикоррупционные ценностные ориентиры политико-властных отношений: смиренномудрие, благочиние, благочестие, безлицемерие, непринятие наживы от государственного устройства, справедливость законов. Тем самым были заложены базовые ценностные ориентиры-принципы антикоррупционной политики государства, т. е. ее сущностное содержание.

Завершение процессов политической централизации и этнической консолидации белорусских земель периода Великого Княжества Литовского наряду с усилением теологического влияния римско-католической церкви и дискриминацией православных в политических и экономических правах обусловило стремление философско-правовой мысли Беларуси к идеям Ренессанса и Реформации. Просветители-гуманисты (С. Будный, А. Волан, М. Литвин, Л. Сапега, Ф. Скорина) в своих взглядах стремились преодолеть средневековую догматическую схоластику, обращаясь к воззрениям итальянских философов (Дж. Манетт, Т. Перентучелли, П. Мирандолла, Н. Макиавелли), в том числе в контексте осмысления государства и права, индивидуальной свободы и ответственности, общего и личного блага, регуляции общественных отношений по принципу справедливости, нравственных качеств должностных лиц, противодействия коррупции в целом (Баткин, 1978, с. 3–29). В связи с этим ценны воззрения Ф. Скорины о христианской модели правового государства и естественных (прирожденных) правах человека, о социальной справедливости законов. Созвучны в своих взглядах оказались А. Волан и М. Литвин, которые критиковали возможность неправомерного обогащения должностных лиц при наличии несовершенного законодательства. Реформаторские взгляды Л. Сапеги были реализованы в статутном законодательстве Великого Княжества Литовского в контексте ограничения полномочий правителя, закрепления принципа разделения властей, организации качественного судопроизводства.

Таким образом, гуманистические и реформаторские взгляды философов и правоведов Великого Княжества Литовского, Речи Посполитой нашли свое отражение в антикоррупционных принципах и ограничениях, положенных в основу современного правового государства, институтов государственного устройства и закрепления властных полномочий (отношений). Это позволяет говорить о формировании содержательной основы антикоррупционной политики государства, базирующейся на принципах законности, гуманности, социального равенства, справедливости.

В последующем усиление позиций контрреформации в условиях теологического неравенства обусловило развитие социального компромисса, основанного на сосуществовании западных и восточных духовных ценностей. Идеи мирного синтеза освещали представители белорусской религиозно-философской школы (М. Смотрицкий, А. Филиппович, С. Полоцкий, А. Олизаровский), которые в своих учениях также обращались к христианской морали и справедливости, концепции государственного просвещения знания законов, преобладания нравственных регулятивов в системе управления (Козел, 2018, с. 14–26). Последние выражались в справедливых законах и подлежали обязательному выполнению. Наряду с этим поступательное преодоление духовной схоластики контрреформации и переориентация на деизм способствовали распространению на территории современной Беларуси рациональных материалистических начал в системе государственно-властных отношений периода просвещения (М. Почобут, К. Нарбут, Я. Снядецкий, И. Стройновский, И. Хрепотович, А. Мицкевич, Я. Чечот) (Дорошевич, 1971). Ориентир на сильное правовое государство, основанное на естественном и позитивном праве, соблюдении законов и прав личности, уважении к власти позволил определить онтологическое, антропологическое и эпистемологическое (рациональное) начало в антикоррупционной политике государства. Дальнейшее распространение влияния рационализма и идеализма Гегеля, метафизики и этики Канта определило среди белорусских просветителей, последователей филوماتов и филоретов, приверженность к синергии морали и права, диалектической системной взаимосвязи личного и общественного в предупреждении коррупции.

В дальнейшем конфронтация последователей западнорусизма и «русификаторской политики» относительно общественно-политического развития Беларуси активизировала

деятельность революционных демократов (Э. Пашкевич, Я. Купала, Я. Колос, М. Богданович) (Мохнач, 1976, с. 142–153), которые в своих трудах обращались к теме национального возрождения и свободы в духе демократических преобразований общества и государства, политической самостоятельности белорусского государства. Идеи о культурной специфике народа и его активной гражданской позиции, вызревшей «в толще народной жизни» (Новік, 2019), созвучны с современной концепцией общественного контроля коррупции. Формирование же духовно-нравственной самодостаточности в духе критического оптимизма и национального обновления определило неприятие противоправного поведения, включая ментальность коррупции.

Период советского и постсоветского философского понимания коррупции, политики ее предупреждения и противодействия ей на уровне государства ознаменовался обращением к философско-антропологическому концепту, содержащему личностный нравственно-патологический и социальный аспекты в условиях упадка культуры общества. Наряду с осмыслением личности и ее роли в культурном пространстве постигалась и религиозно-антропологическая детерминация коррупционного поведения как деформация нравственных и поведенческих начал (В. Н. Ивановский, С. Я. Вольфсон, И. М. Ильюшин, В. С. Степин, Т. И. Адуло, Е. М. Бабосов) (Зеленков, 2016). Современный философский дискурс определил соотношение научной рациональности с базовыми ценностными установками постиндустриального общества потребления, а также спецификой конструирования его культурных традиций и ментальностью. В силу этого ценностные кризисы в условиях депривации и фрустрации имеют прямую зависимость с экзистенциальными механизмами коррупционного поведения. Это может быть учтено в содержательном контексте антикоррупционной политики государства и ее правовом понимании как соответствующего вида деятельности, обусловленного системой властных отношений и институтами власти³.

В современном осмыслении, с позиции философской рефлексии, «политика»⁴ представляет собой социальную деятельность, направленную на формирование, исследование и проектирование различных форм государственного управления, многообразие государственно-административных институтов, морально-правовых норм; отношений и институтов власти, механизмов ее достижения, укрепления, реализации⁵. Можно заключить, что антикоррупционная политика государства позиционируется как особая форма социальной деятельности, основанная на этических и антропоцентрических принципах (началах), определяемая государством с учетом иерархической системы власти, направленной на предупреждение коррупции и минимизацию ее последствий с учетом социокультурного контекста белорусского общества, его ментальности и самости.

Нормативный контекст антикоррупционной политики государства. Обращаясь к положениям Конвенции ООН против коррупции, в частности, к главе 2 «Меры по предупреждению коррупции», можно заметить, что страновая политика противодействия коррупции предполагает наличие органа или в надлежащих случаях органов, осуществляющих предупреждение коррупции и осуществляющих надзор и координацию проведения такой политики; установление эффективных практик предупреждения коррупции (включают меры контроля государственной службы, ее этической составляющей; управление сферами закупок, правоохранительной и судебной деятельности и т. д.); оценку соответствующих правовых документов и административных мер, направленных на предупреждение коррупции с точки зрения их

³ Яскевич, Я. С. (2023). *Социальная философия: Учебное пособие для вузов* (2-е изд.). РИВШ БГУ.

⁴ От греч. *politika* – государственные и общественные дела (прим.авт.)

⁵ Там же.

адекватности в публичном и частном секторах. Именно такие основы прописаны в указанной конвенции. При этом понятие антикоррупционной политики государства в документе не приводится. Последнее фактически раскрывается мерами содержательного наполнения такой политики, что позволяет говорить о формировании международного стандарта в области противодействия коррупции (Сорокин, 2013, с. 21–22). Такая же позиция характерна в целом и для других региональных конвенций и соглашений. Например, Межамериканская конвенция о борьбе с коррупцией (1996)⁶ раскрывает только отдельные механизмы, необходимые для предотвращения, обнаружения, наказания и искоренения коррупции, что в целом встраивается в политику противодействия коррупции.

Конвенция Европейского союза о борьбе против коррупции должностных лиц Европейского сообщества и должностных лиц государств-членов⁷ содержит положения о криминализации и наказании за акты коррупции как отдельные меры противодействия, т. е. затрагивается лишь один из концептуальных аспектов исследуемой политики. При этом в целом европейское антикоррупционное законодательство, основанное на международных нормах и включающее положения о взаимной правовой помощи, уголовной и гражданско-правовой ответственности, защите финансовых интересов и борьбе с коррупцией в частном секторе, позволило Европейской комиссии сформулировать отдельный документ – «Комплексную политику ЕС по борьбе с коррупцией» (2003)⁸. Политика противодействия коррупции также терминологически не определяется, однако ее контекст раскрывается следующими мерами:

- политической приверженностью борьбы с коррупцией;
- включением стран ЕС в механизм мониторинга коррупции на уровне Группы стран по борьбе с коррупцией (далее – ГРЕКО);
- созданием финансовых мер противодействия коррупции с наличием инструментов расследования правонарушений;
- созданием специализированных органов по борьбе с коррупцией;
- наличием системы администрирования государственной службы и т. п.

Обращаясь к положениям Конвенции Африканского союза по противодействию и борьбе с коррупцией (2003)⁹, можно отметить одну из приоритетных целей международного документа – координацию и гармонизацию политики и законодательства для предотвращения, выявления, наказания и искоренения коррупции на континенте. Несмотря на отсутствие легального толкования политики противодействия коррупции, конвенция фактически раскрывает ее описанием отдельных мер борьбы с коррупцией, устанавливая криминализацию коррупционных деяний; предотвращение отмывания доходов и недолжного обогащения; предупреждение коррупции на государственной службе и в частном секторе; наличие специальных органов (агентств) по борьбе с коррупцией; защиту информаторов; процедуру финансирования партий; участие гражданского общества и т. д. Сходные положения содержатся

⁶ Организация американских государств. (1996). *Межамериканская конвенция о борьбе с коррупцией*. <https://www.oas.org/juridico/english/treaties/b-58.html>

⁷ Европейский Союз. (1997). *Конвенция о борьбе с коррупцией, в которой участвуют должностные лица Европейских сообществ или должностные лица государств-членов Европейского Союза*. [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:41997A0625\(01\)](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:41997A0625(01))

⁸ Европейская комиссия. (2003). *Сообщение Совету Комиссии, Европейскому парламенту и Европейскому экономическому и социальному комитету — о комплексной политике ЕС по борьбе с коррупцией*. <https://eur-lex.europa.eu/download-notice.html?legalContentId=cellar:f77c0734-5b70-415b-967f-d9694387aaa7¬iceType=branch&callingUrl=%2FEN%2Flegal-content%2Fsummary%2Fa-comprehensive-eu-anti-corruption-policy.html&lng=EN>.

⁹ Африканский союз. (2003). *Африканская конвенция о предупреждении и борьбе с коррупцией*. http://www.au.int/en/sites/default/files/AFRICAN_UNION_CONVENTION_PREVENTING_COMBATING_CORRUPTION.pdf

и в Арабской конвенции по борьбе с коррупцией (2010)¹⁰, которая в преамбуле, наряду с мерами законодательного характера, делает отсылку к важности религиозных принципов, устанавливая при этом, что каждое государство¹¹ в соответствии со своей системой права определяет национальную политику противодействия коррупции (ст. 5–6) мерами криминализации, судебного разбирательства, изъятия имущества и т. д.

Обращаясь к положениям модельного закона «Основы законодательства об антикоррупционной политике» (2003)¹² применительно к СНГ, отметим, что определение такой политики законодатель также не приводит. При этом нормативный правовой акт, раскрывая предмет правового регулирования, детализирует общественные отношения, на которые направлено воздействие по формированию начал соответствующей антикоррупционной политики, ее принципов, задач, субъектов реализации, приоритетных сфер воздействия с позиции коррупциогенности. Обобщая изложенное, можно заключить, что международно-правовое и региональное нормативное осмысление антикоррупционной политики государства (конвенциональное, модельное, резолютивное), как и национальный закон белорусского государства¹³, определяется ее содержательным наполнением в контексте отдельных мер, принципов, задач и форм реализации соответствующими субъектами ее претворения при отсутствии общего подхода к легальному определению исследуемого понятия.

Доктринальный контекст антикоррупционной политики государства. Научное осмысление антикоррупционной политики государства не нашло однозначного разрешения, что позволяет отметить терминологический диссонанс в понимании политики предупреждения (противодействия), борьбы с коррупцией и ее соотношением с политикой государства по предупреждению (противодействию), борьбе с преступностью, уголовной политикой государства в части антикоррупционной составляющей.

Научные изыскания В. В. Астанина, Ю. В. Быстровой, Г. А. Василевича, Н. А. Егоровой, Я. В. Гайворонской, Г. Н. Горшенкова, А. М. Клина, П. А. Кабанова, В. Н. Лопатина, С. Ю. Новикова, В. А. Номоконова, Г. А. Сатарова, Т. Я. Хабриевой, В. М. Хомича, С. Н. Чируна и других авторов подтверждают актуальность современного концептуального осмысления политики противодействия (предупреждения) коррупции, стратегический уровень воздействия и формирования национальных программ и практик (стратегий) противодействия, включая понятийный аспект антикоррупционной политики государства (Астанин, 2009; Ахмедханова и др., 2022; Василевич, 2015; Егорова, 2007; Горшенков, 2014; Кабанов, 2007; Клим, 2017, 2021; Лопатин, 2001; Новиков, 2009; Номоконов, 2005, 2007; Сатаров, 2025; Филоненко & Гайворонская, 2015; Хабриева, 2012; Хомич, 2020; Чирун, 2019).

Уместно отметить, что история формирования и развития науки криминологии и доминирующая концепция ее вычленения из уголовного права (Сергеевский, 1896, с. 121–124; Таганцев, 1901, с. 58–62; Чубинский, 1905) предопределили необходимость и дискуссионность

¹⁰ Лига арабских государств. (2010). *Арабская конвенция против коррупции*. <https://www.acta.gov.qa/ar-qa/Conventions/Documents/Arab-Convention-Against-Corruption-AR.pdf>

¹¹ Члены Лиги арабских государств, создана 22 марта 1945 г. на основании Александрийского протокола, включает порядка 22 государств.

¹² Межпарламентская Ассамблея государств – участников СНГ. (2003, 15 ноября). *Модельный закон «Основы законодательства об антикоррупционной политике»* (Постановление № 22-15). <https://52.fsvps.gov.ru/files/modelnyj-zakon-osnovy-zakonodatelstva-ob-antikorrupcionnoj-politike-prinjat-v-g-sankt-peterburge-15-11-2003-postanovleniem-22-15-na-22-om-plenarnom-zasedanii-mezhparlamentskoj-assamblei-gosudarstv-uc/>

¹³ Закон Республики Беларусь № 305-З от 15 июля 2015 года «О борьбе с коррупцией» устанавливает правовые основы государственной политики по предупреждению, выявлению и пресечению коррупции, не определяя таковую политику (прим. авт.)

соотношения содержания уголовной политики, «дающей указания для надлежащей постановки дела борьбы с преступностью как путем социальных реформ, так и путем создания лучшего уголовного законодательства», с уголовной этиологией, занимающейся исследованием причин преступности и ее развитием (в данном случае можно расценивать как политику предупреждения преступности).

Этиологическое смешение содержания понятия «уголовная политика» возникло в Европе еще в XIX в. благодаря учению Бентама и его последователей, которые включили в сущность этой политики необходимость исследовать преступления и средства борьбы с ними (Bentham, 1820, pp. 58–70). На похожих позициях стоял и Бемер, полагая, что уголовная политика должна опираться не только на уголовную репрессию, но и на меры предупреждения преступлений в контексте лучшего образования, порядка и мотиваций граждан (Böhmer, 1816, pp. 27–28). В противовес такому широкому осмыслению уголовной политики можно привести одно из классических, узких по объему определений, сводящихся к содержанию политики в русле организации «уголовного законодательства в данном государстве, соображаясь с основами естественного или философского уголовного права, и с состоянием культуры, характером, нравами и прочими особенностями известного народа» (Kappler, 1838, pp. 106–107).

Дальнейшая разобщенность толкования уголовной политики определялась видоизменением ее содержания в связи с усилением позиций уголовной антропологии и социологии, т. е. фактическим онаучиванием криминологии, ее акцентуацией на предупреждение преступности (Ferri, 1917, pp. 584–586; Liszt, 1900, pp. 170–172; Prins, 1899, pp. 25–26). Например, Лист упоминал об уголовной политике не только в смысле репрессивной (наказательной) составляющей преступности, но и в контексте общих и специальных мер ее превенции (например, дома для алкоголиков, приюты для несовершеннолетних и т. п.).

Представители школы дореволюционного уголовного права (Неклюдов, 1865, с. 5–6; Духовской, 1872; Фойницкий, 1889, с. 40–45), еще не обращаясь к учениям итальянской антропологической школы, в своих трудах также отмечали необходимость в государстве не только наличия карательных средств, но и проведения в обществе масштабных социальных реформ. В то же время И. Я. Фойницкий, отводя наказанию при реализации уголовной политики роль «государственной меры борьбы с состоянием преступности», не отказывался от необходимости исследования причин и условий преступности (космических, общественных и личных). В связи с этим и советское, и постсоветское, и современное понимание уголовной политики в ее соотношении с политикой предупреждения преступности (криминологической политикой) (Матвеева, 2024) определило две преобладающие позиции. Акцент смещается на содержательный аспект политики и включение в эту деятельность либо только мер уголовно-правовых и уголовно-исполнительных (криминализация и декриминализация; пенализация и депенализация), либо доведение мер криминологического, криминалистического и социального характера. При этом обобщающим началом в научных взглядах ученых является цель в виде минимизации и уменьшения негативного влияния преступности на общество, права и свободы граждан, безопасность государства в целом (Босхолов, 1999, с. 36–40).

Соглашаясь с мнением авторов относительно прикладной цели уголовной, уголовно-правовой, криминологической и предупредительной политики государства, исходя из содержательного аспекта соответствующих видов деятельности, считаем целесообразным в политику предупреждения преступности включать антикоррупционную политику государства, в том числе уголовно-правовое направление ее реализации. В связи с этим политика предупреждения преступности выступает обобщающим видом деятельности, обладающим превентивным потенциалом применительно к реализации антикоррупционной политики

государства, как целое и ее часть, включая наказательный (репрессивный, восстановительный, социализирующий) аспект правосудия за акты коррупции.

Определившись с соотношением политики предупреждения преступности и антикоррупционной политики государства, вычленим содержательное наполнение последней для формулирования соответствующего авторского определения. Критический анализ научных публикаций, посвященных вопросам антикоррупционной политики государства, позволяет заключить следующее: некоторые белорусские, российские и иные зарубежные авторы трагируют в своих публикациях преимущественно отдельные направления противодействия (борьбы) коррупции, описывая количественно-качественные, детерминирующие, личностные, превентивные аспекты. Включение же в текст монографий, научных статей, других публикаций понятий «политика государства», «антикоррупционная политика», «политика предупреждения (борьбы) коррупции» не всегда обусловлено авторским концептом, что позволяет определить исследуемое понятие только посредством содержательного его наполнения. Обратимся к некоторым авторским взглядам.

Представители российской криминологической школы, в частности В. В. Астанин, определяют антикоррупционную политику государства как «совокупность законодательных, экономических, политических, информационных, организационных мер, направленных на государственное регулирование в области противодействия коррупции. В криминологическом аспекте основное содержание антикоррупционной политики выражается в борьбе с уголовно наказуемыми коррупционными и иными проявлениями (продуцирующими коррупцию или ее производными) с обязательным использованием превентивных антикоррупционных средств, имеющих полиотраслевую специфику» (Астанин, 2009). Как видим, автор смещает акцент на вариативность мер, реализуемых приоритетно органами государства, что представляется нам не совсем верным. При этом в качестве объекта воздействия он справедливо указывает не только на коррупционную преступность, но и на продуцирующие коррупцию проявления. Похожее определение приводит С. Ю. Новиков, обращаясь в то же время и к неотвратимости юридической ответственности: «...разносторонние и последовательные меры по устранению причин и условий, порождающих и стимулирующих коррупцию в разных сферах жизни, а также меры по привлечению коррупционеров к гражданско-правовой и уголовной ответственности» (Новиков, 2009).

Еще один представитель российской криминологии О. И. Хамазина, наряду с мерами государственного воздействия в роли субъектов реализации антикоррупционной политики, справедливо предлагает привлечение институтов гражданского общества, что позволяет направить политику «...на разработку и постоянное осуществление разносторонних мер профилактического, предупредительного, ограничивающего и ликвидирующего характера, с целью устранения и минимизации проявлений причин и условий, порождающих коррупцию. В своей основе антикоррупционная политика, прежде всего правовая политика...» (Хамазина, 2008). Полагаем, что приоритет развития отраслевого законодательства может доминировать над формированием правовой культуры, морали и идеологии общества, с чем мы не можем согласиться.

Более узкое определение сферы реализации антикоррупционной политики приводит В. В. Потомский, конкретизируя при этом некоторые принципиальные основы таковой деятельности и ее векторность: «...научно обоснованная, последовательная и системная деятельность институтов государства и гражданского общества, связанная с профилактикой и сокращением негативного влияния коррупции, а также с устранением причин и условий, способствующих ее возникновению» (Потомский, 2016). Обращаясь к содержательному наполнению исследуемого понятия, В. Н. Лопатин системно и последовательно

описывает антикоррупционную политику государства в контексте ее целей и принципов; субъектов претворения в лице государства и гражданского общества; установления приоритетных направлений и мер предупреждения коррупции в правотворческой и правоприменительной деятельности для формирования правосознания социума в соответствии с антикоррупционными стандартами (Лопатин, 2001). Такой широкий подход автора в описании понятия видится оправданным, поскольку затрагиваются существенные начала реализации антикоррупционной политики государства, однако одновременно они перегружают смысловую конструкцию.

Одно из наиболее емких и стратегических определений, в силу чего и отличающихся от иных, приводит Г. Н. Горшенков, который формулирует антикоррупционную политику государства как «...научную разработку и практическую реализацию основных принципов, стратегических направлений, тактических задач и методов их решения на основе научно обоснованной оценки и прогнозирования явления коррупции и криминологической ситуации в целом и расчетов реальных возможностей (правовых, кадровых, финансовых, материальных и др.)» (Горшенков, 2014). Автор в свое определение включает несколько принципиально важных составляющих, а именно государственную идеологию как систему взглядов, руководящих идей, принципов в духе решимости претворения политики с учетом стратегических горизонтов сферы управления. На таких же идеологических позициях стоит и А. И. Бойко, только применительно к описанию уголовной политики: «...здесь располагается государственно-правовая идеология...»¹⁴, что вполне справедливо, поскольку в данном случае обозначена подлинная поддержка и приверженность со стороны ключевой заинтересованной стороны в реализации политики – воля государства. Еще несколько важных принципиальных позиций, которые, на наш взгляд, должны быть учтены при формулировании понятия.

В основу антикоррупционной политики государства должна быть положена соответствующая ей государственная концепция, опирающаяся на криминологический базис (криминологическая информация, криминологический мониторинг, криминологический прогноз, криминологическая детерминация, криминологическое предупреждение и т. п.). В свою очередь, концепция предстает основой для определения оптимальных стратегии и тактики предупреждения коррупции и связанных с ней форм криминального поведения. Концепция первична по отношению к программным и иным нормативным и ненормативным формам ее выражения (например, реализуемым посредством правового образования, просвещения, пропаганды, информирования и т. п.).

Антикоррупционная политика государства чаще всего рассматривается как системная, целенаправленная, комплексная деятельность, в которую включаются различные институты (органы) государства и иные представители общества (негосударственные институты) (Сатаров, 2025). Это представляется оправданным. Цель антикоррупционной политики мы уже обозначили выше, но в ключе политики предупреждения преступности – это сведение к минимуму и устранение негативных последствий преступности, в нашем случае коррупции, что обеспечивает криминологическую безопасность личности, общества и государства.

Выводы. Таким образом, резюмируя философский, нормативный и доктринальный контексты, антикоррупционную политику государства в криминологическом понимании можно представить как основанную на государственной антикоррупционной идеологии научно обоснованную, системную, комплексную деятельность государственных и негосударственных институтов, воздействующую на криминогенные факторы, причины и условия коррупции, направленную на предупреждение и минимизацию негативных последствий коррупции

¹⁴ Бойко, А. И. (2008). *Уголовная политика*. Ростовский государственный экономический университет "РИНХ".

посредством формирования антикоррупционного мировоззрения и соответствующих форм поведения. Такое широкое по объему определение обеспечивает приоритет государственной приверженности в формировании и реализации соответствующей политики, основанной на качественной идеологической составляющей, субъект-объектной связи государственных и общественных институтов (органов, представителей гражданского общества, граждан) с системой детерминации коррупции и нейтрализацией не только криминогенных факторов (причин, условий), но и воздействием на мировоззренческие установки, формируя позитивные паттерны поведения. В свою очередь, предложенное авторское определение позволяет выстраивать концептуально-правовую основу антикоррупционной политики государства с приоритетом мер криминологического характера в контексте форм и методов философско-идеологического, диалектического и структурно-функционального порядка (содержания и формы, причины и следствия и т. п.).

Список литературы

- Астанин, В. В. (2009). *Антикоррупционная политика России: криминологические аспекты* [Автореферат диссертации доктора юридических наук, Московская государственная юридическая академия].
- Ахмедханова, С. Т., Балаянц, М. С., Быстрова, Ю. В., & Комоско, А. А. (2022). Теоретические аспекты антикоррупционной политики в государстве. *Аграрное и земельное право*, (9), 80–82. https://doi.org/10.47643/1815-1329_2022_9_80
- Баткин, Л. М. (1978). *Итальянские гуманисты: стиль жизни и стиль мышления*. Наука.
- Босхолов, С. С. (1999). *Основы уголовной политики: конституционный, криминологический, уголовно-правовой и информационный аспекты*. ЮрИнфоР.
- Василевич, Г. А. (2015). Противодействие коррупции. *Право и экономика*.
- Горшенков, Г. Н. (2014). Антикоррупционная политика и деятельность. *Актуальные проблемы экономики и права*, (1), 10–17.
- Дорошевич, Э. К. (1971). *Философия эпохи Просвещения в Белоруссии*. Наука и техника.
- Духовской, М. В. (1872). *Задача науки уголовного права*.
- Егорова, Н. А. (2007). Об антикоррупционной уголовной политике России на современном этапе. *Российский криминологический взгляд*, (4), 138–142.
- Зеленков, А. И. (2016). Минская методологическая школа и современные приоритеты философии науки. *Философские науки*, (7), 39–54.
- Кабанов, П. А. (2007). Коррупция и антикоррупционная политика типовая (модельная) программа курса. *Актуальные проблемы экономики и права*, (3), 193–196.
- Клим, А. М. (2017). Опыт Республики Беларусь по реализации государственной политики в области противодействия коррупции: организационно-правовой аспект. В С. Г. Зырянов (Ред.), *Актуальные вопросы разработки и применения современных практик реализации государственной политики в области противодействия коррупции: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Челябинск, 25 ноября 2016 года* (Ч. 1, с. 41–49). Челябинский филиал РАНХиГС.
- Клим, А. М. (2021). Становление антикоррупционной политики Республики Беларусь в 90-е годы XX века. *Проблемы управления*, (4), 128–134.
- Козел, А. А. (2018). *Очерки истории политической и правовой мысли Беларуси (XII – XX вв.)*. Право и экономика.
- Лопатин, В. Н. (2001). О системном подходе в антикоррупционной политике. *Государство и право*, 7, 23–36.

- Матвеева, Е. В. (2024). Криминологическая политика как часть государственной политики в сфере противодействия коррупционной преступности. *Юридическая наука и правоохранительная практика*, 2, 97–106.
- Мохнач, Н. Н. (1976). *От просвещения к революционному демократизму (Общественно-политическая и философская мысль Белоруссии конца 10-х - начала 50-х гг. XIX в.)*. Наука и техника.
- Неклюдов, Н. А. (1865). *Уголовно-статистические этюды. Этюд 1. Статистический опыт исследования физиологического значения различных возрастов человеческого организма по отношению к преступлению*. Тип. Н. Тиблена и комп.
- Новиков, С. Ю. (2009). *Антикоррупционная политика российского государства в современных условиях* [Автореферат диссертации кандидата политических наук, Ставропольский государственный университет].
- Новік, І. М. (2019). Апроч Абдзіраловіча: характарыстыка жыцця і творчасці Ігната Канчэўскага. *Журнал Беларускаго дзяржаўнага ўніверсітэта. Філасофія. Псіхалогія*, 2, 15–22.
- Номоконов, В. А. (2005). Коррупция и антикоррупционная политика в России. *Политический барометр*, 3, 47–52.
- Номоконов, В. А. (2007). Проблемы формирования антикоррупционной политики в России. *Таможенная политика России на Дальнем Востоке*, 4, 39–52.
- Потомский, В. В. (2016). Концептуальные основы антикоррупционной политики государства. *Среднерусский вестник общественных наук*, 11(6), 187–196. <https://doi.org/10.12737/24396>
- Сатаров, Г. А. (2025). *Антикоррупционная политика*. Юрайт.
- Сергеевский, Н. Д. (1896). *Русское уголовное право. Часть общая: Пособие к лекциям* (3-е изд.).
- Сорокин, К. Г. (2013). Актуальные вопросы взаимосвязи политики в области противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения (ПОД/ФТ/ФРОМУ) с антикоррупционной политикой на пространстве Таможенного союза ЕврАзЭС. *Таможенное дело*, 4, 19–30.
- Таганцев, Н. С. (1901). *Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года* (11-е изд., пересм. и доп.).
- Филоненко, Т. В., & Гайворонская, Я. В. (2015). Антикоррупционная политика в системе мер правовой политики. *Актуальные проблемы экономики и права*, (3), 109–119.
- Фойницкий, И. Я. (1889). *Учение о наказании в связи с тюремным содержанием*. Тип. М-ва пут. сообщ. (А. Бенке).
- Хабриева, Т. Я. (2012). *Коррупция: природа, проявления, противодействие*. Юриспруденция.
- Хамазина, О. И. (2008). *Правовые средства противодействия коррупции: проблемы теории и практики* [Автореферат диссертации кандидата юридических наук, Саратовская государственная академия права].
- Хомич, В. М. (2020). Перспективный контент в осмыслении феномена коррупции и национальной антикоррупционной политики (к вопросу о разработке концептуальных основ стратегии). В В. В. Марчук (Гл. ред.), *Сборник материалов Международной научно-практической конференции, Минск, 29 сентября 2020 года* (с. 47–56). Издательский центр БГУ.
- Чирун, С. Н. (2019). Консенсусная (сетевая) коррупция и проблемы эффективности государственной политики. В *Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия*

коррупции: Сборник трудов по итогам Третьей Всероссийской научной конференции с международным участием, Екатеринбург, 26–27 октября 2018 года (с. 91–110). Институт философии и права УрО РАН. <https://doi.org/10.17506/articles.anticorruption.2018.91110>

- Чубинский, М. П. (1905). *Очерки уголовной политики: понятие, история и основные проблемы уголовной политики, как составного элемента науки уголовного права*.
- Bentham, J. (1820). *Traité de législation civile et pénale (préface de Dumont)*. Rey et Gravier.
- Böhmer, J. F. (1816). *Handbuch der Litteratur des Criminalrechts mit besondrer Rücksicht auf Criminalpolitik*.
- Ferri, E. (1917). *Criminal sociology* [Sociol. crimin.]. BiblioLife. (Original work published 1884).
- Kappler, F. (1838). *Handbuch der Literatur des Criminalrechts und dessen philosophischer und medizinischer Hilfswissenschaften: für Rechtsgelehrte, Psychologen und gerichtliche Aerzte*. Schreile's Buchhandlung.
- Liszt, F. (1900). *Die Aufgaben und die Methode der Strafrechtswissenschaft*. De Gruyter.
- Prins, A. (1899). *Science pénal et droit positif*. E. Bruylant.

References

- Astanin, V. V. (2009). *Antikorrupsionnaya politika Rossii: kriminologicheskie aspekty* [Avtoreferat dissertatsii doktora yuridicheskikh nauk, Moskovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya].
- Akhmedkhanova, S. T., Balayants, M. S., Bystrova, Yu. V., & Komosko, A. A. (2022). Teoreticheskie aspekty antikorrupsionnoy politiki v gosudarstve. *Agrarnoe i zemelnoe pravo*, (9), 80–82. https://doi.org/10.47643/1815-1329_2022_9_80
- Batkin, L. M. (1978). *Italianskie gumanisty: stil zhizni i stil myshleniya*. Nauka.
- Boskholov, S. S. (1999). *Osnovy ugolovnoy politiki: konstitutsionnyy, kriminologicheskiy, ugolovno-pravovoy i informatsionnyy aspekty*. YurInfoR.
- Vasilevich, G. A. (2015). *Protivodeystvie korruptsii*. Pravo i ekonomika.
- Gorshenkov, G. N. (2014). Antikorrupsionnaya politika i deyatelnost. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava*, (1), 10–17.
- Doroshevich, E. K. (1971). *Filosofiya epokhi Prosveshcheniya v Belorussii*. Nauka i tekhnika.
- Dukhovskoy, M. V. (1872). *Zadacha nauki ugolovnogo prava*.
- Egorova, N. A. (2007). Ob antikorrupsionnoy ugolovnoy politike Rossii na sovremennom etape. *Rossiyskiy kriminologicheskiy vzglyad*, (4), 138–142.
- Zelenkov, A. I. (2016). Minskaya metodologicheskaya shkola i sovremennyye priority filozofii nauki. *Filosofskie nauki*, (7), 39–54.
- Kabanov, P. A. (2007). Korruptsiya i antikorrupsionnaya politika tipovaya (modelnaya) programma kursa. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava*, (3), 193–196.
- Klim, A. M. (2017). Opyt Respubliki Belarus po realizatsii gosudarstvennoy politiki v oblasti protivodeystviya korruptsii: organizatsionno-pravovoy aspekt. V S. G. Zyryanov (Red.), *Aktualnye voprosy razrabotki i primeneniya sovremennykh praktik realizatsii gosudarstvennoy politiki v oblasti protivodeystviya korruptsii: Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Chelyabinsk, 25 noyabrya 2016 goda* (Ch. 1, s. 41–49). Chelyabinskiy filial RANKhiGS.
- Klim, A. M. (2021). Stanovlenie antikorrupsionnoy politiki Respubliki Belarus v 90-e gody XX veka. *Problemy upravleniya*, (4), 128–134.
- Kozel, A. A. (2018). *Ocherki istorii politicheskoy i pravovoy mysli Belarusi (XII – XX vv.)*. Pravo i ekonomika.
- Lopatin, V. N. (2001). O sistemnom podkhode v antikorrupsionnoy politike. *Gosudarstvo i pravo*, 7, 23–36.

- Matveeva, E. V. (2024). Kriminologicheskaya politika kak chast gosudarstvennoy politiki v sfere protivodeystviya korrupsionnoy prestupnosti. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika*, 2, 97–106.
- Mokhnach, N. N. (1976). *Ot prosveshcheniya k revolyutsionnomu demokratizmu (Obshchestvenno-politicheskaya i filosofskaya mysl Belorussii kontsa 10-kh - nachala 50-kh gg. XIX v.)*. Nauka i tekhnika.
- Neklyudov, N. A. (1865). *Ugolovno-statisticheskie etyudy. Etyud 1. Statisticheskiy opyt issledovaniya fiziologicheskogo znacheniya razlichnykh vozrastov chelovecheskogo organizma po otnosheniyu k prestupleniyu*. Tip. N. Tiblena i komp.
- Novikov, S. Yu. (2009). *Antikorrupsionnaya politika rossiyskogo gosudarstva v sovremennykh usloviyakh* [Avtoreferat dissertatsii kandidata politicheskikh nauk, Stavropolskiy gosudarstvennyy universitet].
- Novik, I. M. (2019). Aproch Abdzirlovicha: kharakterystyka zhyttsya i tvorchastsy Ignata Kancheŭskaga. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya*, 2, 15–22.
- Nomokonov, V. A. (2005). Korrupsiya i antikorrupsionnaya politika v Rossii. *Politicheskii barometr*, 3, 47–52.
- Nomokonov, V. A. (2007). Problemy formirovaniya antikorrupsionnoy politiki v Rossii. *Tamozhennaya politika Rossii na Dalnem Vostoke*, 4, 39–52.
- Potomskiy, V. V. (2016). Kontseptualnye osnovy antikorrupsionnoy politiki gosudarstva. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk*, 11(6), 187–196. <https://doi.org/10.12737/24396>
- Satarov, G. A. (2025). *Antikorrupsionnaya politika*. Yurayt.
- Sergeevskiy, N. D. (1896). *Russkoe ugovnoe pravo. Chast obshchaya: Posobie k lektsiyam* (3-e izd.).
- Sorokin, K. G. (2013). Aktualnye voprosy vzaimosvyazi politiki v oblasti protivodeystviya legalizatsii (otmyvaniyu) dokhodov, poluchennykh prestupnym putem, finansirovaniyu terrorizma i finansirovaniyu rasprostraneniya oruzhiya massovogo unichtozheniya (POD/FT/FROMU) s antikorrupsionnoy politikoy na prostranstve Tamozhennogo soyuza EvrAzES. *Tamozhennoe delo*, 4, 19–30.
- Tagantsev, N. S. (1901). *Ulozhenie o nakazaniyakh ugovnykh i ispravitelnykh 1885 goda* (11-e izd., peresm. i dop.).
- Filonenko, T. V., & Gayvoronskaya, Ya. V. (2015). Antikorrupsionnaya politika v sisteme mer pravovoy politiki. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava*, (3), 109–119.
- Foynitskiy, I. Ya. (1889). *Uchenie o nakazanii v svyazi s tyurmovedeniem*. Tip. M-va put. soobshch. (A. Benke).
- Khabrieva, T. Ya. (2012). *Korrupsiya: priroda, proyavleniya, protivodeystvie*. Yurisprudentsiya.
- Khamazina, O. I. (2008). *Pravovye sredstva protivodeystviya korrupsii: problemy teorii i praktiki* [Avtoreferat dissertatsii kandidata yuridicheskikh nauk, Saratovskaya gosudarstvennaya akademiya prava].
- Khomich, V. M. (2020). Perspektivnyy kontent v osmyslenii fenomena korrupsii i natsionalnoy antikorrupsionnoy politiki (k voprosu o razrabotke kontseptualnykh osnov strategii). V V. V. Marchuk (Gl. red.), *Sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Minsk, 29 sentyabrya 2020 goda* (s. 47–56). Izdatelskiy tsentr BGU.
- Chirun, S. N. (2019). Konsensusnaya (setevaya) korrupsiya i problemy effektivnosti gosudarstvennoy politiki. V *Aktualnye problemy nauchnogo obespecheniya gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy Federatsii v oblasti protivodeystviya korrupsii: Sbornik trudov po itogam Tretyey Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, Ekaterinburg, 26–27 oktyabrya 2018 goda* (s. 91–110). Institut filosofii i prava UrO RAN. <https://doi.org/10.17506/articles.anticorruption.2018.91110>

- Chubinskiy, M. P. (1905). *Ocherki ugodovnoy politiki: ponyatie, istoriya i osnovnye problemy ugodovnoy politiki, kak sostavnogo elementa nauki ugodovnogo prava*.
- Bentham, J. (1820). *Traité de législation civile et pénale (préface de Dumont)*. Rey et Gravier.
- Böhmer, J. F. (1816). *Handbuch der Litteratur des Criminalrechts mit besondrer Rücksicht auf Criminalpolitik*.
- Ferri, E. (1917). *Criminal sociology* [Sociol. crimin.]. BiblioLife. (Original work published 1884).
- Kappler, F. (1838). *Handbuch der Literatur des Criminalrechts und dessen philosophischer und medizinischer Hilfswissenschaften: für Rechtsgelehrte, Psychologen und gerichtliche Aerzte*. Schreile's Buchhandlung.
- Liszt, F. (1900). *Die Aufgaben und die Methode der Strafrechtswissenschaft*. De Gruyter.
- Prins, A. (1899). *Science pénal et droit positif*. E. Bruylant.

Информация об авторе

Татьяна Георгиевна Терещенко – докторант научно-педагогического факультета учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

About the author

Tatyana G.Tereshchenko – Doctoral student at the Faculty of Science and Education of the 'Academy of the MIA of the Republic of Belarus', Cand. Sci. (Jurid.), Docent.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 09.05.2026

Одобрена после рецензирования 15.06.2026

Опубликована 30.07.2026

Submitted May 09, 2026

Approved after reviewing June 15, 2026

Accepted July 30, 2026